

Вергеенко С. А.
(Гомель, Беларусь)

ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ В БЕЛОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРАХ С МОТИВОМ «КАКАЯ МАТЬ РОДИЛА...»

Стаття присвячена аналізу білоруських та українських лікувальних заговорянь з мотивом «Яка мати народила ...». Визначаються схожі та відмінні риси заговоряних текстів як на рівні вербального, так і акціонального компонентів.

Ключові слова: *замова, заговоряні-заклинальний комплекс, вербальна складова, акціональний код, автомотив.*

Статья посвящена анализу белорусских и украинских лечебных заговоров с мотивом «Какая мать родила...». Определяются схожие и отличительные черты заговорных текстов как на уровне вербального, так и акционального компонентов.

Ключевые слова: *заговор, заговорно-заклинательный комплекс, вербальная составляющая, акциональный код, автомотив.*

This article analyzes the Belarusian and Ukrainian medical charms with the motive of «What mother gave birth ...». Determined similar and distinctive features of texts charms at the level of verbal and actional components.

Key words: *charms, zagovorno-incantatory complex, verbal component, actional code, automotive.*

На современном этапе развития общества, когда происходит переоценка культурных ценностей и пересмотр эстетических принципов, особое внимание уделяется возрождению интереса к традиционной народной культуре вообще, к фольклору в частности, в том числе и к заговорам, в которых «законсервированы» наиболее архаические представления о жизни этноса.

Изучение фольклорных традиций соседних народов закладывает основы для позитивного межнационального взаимодействия, через сравнительные характеристики позволяет постичь идейно-эстетическую близость фольклорных произведений, взаимосвязь народного искусства с жизнью народа, раскрыть синхронические параллели и региональные особенности.

Важно отметить, что накопление конкретного материала, его изучение в фольклорно-культурологическом аспекте может свидетельствовать о степени сохранности и жизнеспособности отдельных жанров, сюжетов, тем, их текстовой, акциональной и атрибутивной вариативности. Объектом исследования в данной статье был выбран межфункциональный мотив «Какая мать родила...», схожесть которого в белорусских и украинских лечебных заговорах обозначилась наиболее ярко. Источниками фактического материала явились коллекция архива учебно-научной фольклорной лаборатории кафедры белорусской культуры и фольклористики учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» и материалы сборников «Полесские заговоры (в записях 1970-1990 гг.)» [1], «“На моры-акіяне, на востраве Буяне...” (лекавыя замовы Гомельшчыны)» [2].

При исследовании автохтонного жизненного пространства заговоров мы постарались (по мере возможности) выделить национальные, общие и отличительные особенности произведений локальной функциональной группы «Ад эпілепсіі» и «Ад зглазу», которые определяются тождественным звучанием и функциональной приуроченностью.

Эпилепсия / падучая / «черная хвароба» считалась наитяжелейшей болезнью, недаром ее называют «черной», «пасмяротнай». География распространения заговоров этой группы довольно широкая: Гомельская, Брестская, Волынская, Житомирская, Черниговская, Брянская, Ровенская области, что свидетельствует и о широкой распространенности самого недуга.

Считалось, что эпилепсию насылала на людей нечистая сила, сам черт. Действенным средством для изгнания нечистого духа, который вселяется в тело человека и вызывает болезнь, были колючие растения. Они вызывали у чертей

испуг, их боялись и в страхе разбегались, оставляя заболевшего. Одно из таких растений так и называли «чертополох». Традиционно при лечении заболевшего укладывали на чертополох, побивали им или готовили из него отвары и давали выпить. На территории Беларуси и Украины применялся ритуально-магический заговорный комплекс.

Обратимся к заговорным текстам обозначенной функциональной группы. Необходимо напомнить, что мотив «Какая мать родила...» активно функционирует и в белорусских, и в украинских лечебных заговорах. Вместе с тем присутствуют и определенные отличия. Так, отмеченный мотив на территории Беларуси встречается в заговорах «Ад эпілепсіі», «Ад зглазу», «Ад прыстрэку», на территории Украины – «Ад эпілепсіі», «Ляк», «Урокі/Прымаўка». Отличителен и акциональный компонент заговорного комплекса при незначительной вариативности вербального слагаемого. Так, к примеру, Мария Николаевна Терещенко, 1931 г.р. (д. Засинцы Ельского района), сообщила: «Калі ў рабёнка разгарэўся твар, і ён плача без прычыны, тады маці западозрывае, што гэта “сглаз”, умывае яго вадой і выцірае сваёй сарочкаю, затым ліжа языком яго тварык накрыж і тры разы паўтарае: “Яка маць нарадзіла, така і атхадзіла”» [2: 52]; Надежда Сергеевна Лукьянова, 1949 г.р. (г. Мозырь), дает более подробное описание лечения: «Читается три раза. При этом, если ребенок грудной, то прыскается молоко на личико ребенка и вытирается изнанкой халата или рубашки матери. Или брызгается водой лицо ребенка. Можно также читать самому себе. Заговор ребенку может читать только мать» [2: 54]. Но и в одном, и в другом случае присутствует вытирание «изнанкой рубашки/сваёй сарочкай» заболевшего ребенка. Действия основаны на принципах контагиозной магии: сорочка контактирует с детородными частями тела женщины и, вытирая ребенка этой сорочкой, мать «перерождает» заболевшего ребенка, вытирая с него сглаз и возвращая первоначальное здоровье.

В украинских заговорах при почти полном текстовом совпадении наблюдаются кардинальные отличия акционально-реального компонента. В

комментариях к заговорам находим отголоски языческих мировоззренческих представлений, связанных с порогом. Согласно народным верованиям, порог – это место, с которым «связывается идея преодоления ... болезни и избавления от страдания» [3: 319]. Так, в комментарии к заговору «Прымаўка», записанном в с. Великий Злеев Репкинского района Черниговской области, информатор говорит: «А як на дитя напала примаўка, становицца мать праваю нагой на порог и три раза гаворить: “Яка мать радила, тая и уроки атхадила”, и три раза паплявать у петник [основание двери у петли]», [3: 135], а при лечении болезни «Урокі», «трэба взять хлеба и один кусочок кинути, де вода е, и другый да и трэтий, де вода. И дитя покласть на порозе, шчо з хаты ў хату перэходыть, и пэрэступить, и казать: “Я тебе уродила, шоб я тебе крикливицы (чы уроки) отходила”» (с. Кишин Олевского р-на Житомирской области) [1: 135].

В заговоре «Уроки с ребенка» анализируемый мотив сочетается с мотивом «Выметание болезни», достаточно хорошо известным в южно-славянской традиции. В акциональной части подробно описаны действия с веником-«деркачом»: «Простэлыть рядно якэе коло пэчы. Ну и положить дэтыну до пэчы головою, ну, накрыть марлэчкою лыцэ, шоб у очы нэ налытило смиття. Узять цього дэркача и мэсты з головы до ниг по дэтыни и казать три разы: “Я цим дыркачом смиття замигала, и от тэбэ ўсэ горэ одгорала. Я тэбэ породила и от тэбэ прыстрит и ўроky отходыла”. И шчэ пэрэступать трэба. И за каждым разом говорить трэба. То як оно плачэ крэпко» [1: 135-136]. В представлениях древнего человека, веник – атрибут амбивалентный. С одной стороны, это предмет «нечистый», т.к. он контактирует с мусором в прямом смысле (контагиозная магия). К тому же, под веником находится жилище домовика – представителя низшей демонологии. Веник также является ведьмарским атрибутом. Ведьмы «веником сбивали росу с травы на поле или дотрагивались до вымя чужой коровы с целью отобрать у нее молоко» [4: 155]. С другой стороны, веник используется и для защиты от нечистой силы. Апотропеическая функция была связана с бытовой – средством очищения помещения. Известно, что для того, чтобы вымести нечисть, из дома мусор

выметают к порогу. В вышеприведенном примере заговора ребенка также укладывали головой к печи и выметали его с головы до ног веником. Как свидетельствует данный пример, заговоры сберегли и донесли до современного человека значительное количество элементов этнокультуры, характерной для далеких времен, когда преобладало мифологическое мировоззрение.

Достаточно компактную группу составляют заговоры «От эпилепсии». Эти небольшие по размеру произведения требуют особенного внимания по той причине, что, не говоря про общую функциональность, в них почти полностью (с незначительными вариациями) совпадают и вербальный компонент, и основное символическое действие. Акциональное слагаемое ритуального комплекса не оставляет никаких сомнений в том, что в этой группе заговоров нашли отражение дохристианские представления о возможности «перерождения» заболевшего ребенка, стоит только симитировать процесс рождения. Приведем для примера некоторые тексты, подтверждающие данный тезис: «Матэры трэба сёсты голой задницею на лицо и говорыты: “Чым я тэбэ родыла, тым я тэбэ и одходыла”» (д. Оброво Ивановского р-на Брестской обл.) [1: 264]; «Пот порог клалы да пэрэступалы [через порог во двор]: “Чым матирь родыла, шоб тым одходыла”. Три разы, колы воно пачинае крычать» (с. Рясное Емильчинского р-на Житомирской обл.) [1: 264]; «Як падуча у дэтыты, то трэба прысысты тры разы и сказаты: “Кудою родыласа, тудою лэчыласа”» (д. Ласицк Пинского р-на Брестской обл.) [1: 264] и другие. И хоть в приведенных текстах и наблюдается незначительная вербальная вариативность, по идейной направленности они идентичны. Клишированные тексты белорусских и украинских заговоров «От эпилепсии», общие магически-сакральные символические действия подчеркивают наличие генетической близости культур двух народов. И еще раз мы убеждаемся, что для заговорного жанра характерно стремление к жанровым канонам и стилистическим трафаретам.

В некоторых заговорах «От эпилепсии» наряду с мотивом «Какая мать родила...» появляется мотив «Какой гость, такая и честь»: «Як побачыць матка ребёнка ў первы раз, вот бувае колуска – выме его и доли ложки и сядзе голой

задницею и кажэ: “Яки госць, така чесць. Яка маці радзила, такая и отходзила”. Три разы так перекажэ» (д. Тонеж Лельчицкого р-на Гомельской обл.) [1: 265]. Встречаются в коллекции как украинских, так и белорусских заговоров контаминированные тексты, в которых присутствуют анализируемые мотивы. Приведем для примера несколько таких текстов: «“Місяц на нэбэ, рыба ў морэ, Сус Хрыстос у гробэ. А я выговораю од раба Божэго (имярек) чорну хворобу”. Тожэ тры раза. Да сговорыла, да так выйдэш, шоб нікто нэ бачыв постронный, да жопу заголыш, да голой сёдэ, да: “Цим родыла, тым накрыла”. А то: “Який ты гісьць, така тобэ чэсьць”» [1: 265]; «Якая матка радзіла, такая і адхадзіла. Першым разам, Гасподнім часам, я – са словамі, Божа – з дапамогай. Быстра крыніца йшла крутымі берагамі, жоўтымі пяскамі і ніцымі лозамі, Гасподнімі думамі, хутчэй раке не стаяці, у (імя) уроку не бываці...» [2: 167] и др.

Отметим, что мотив «Чем родила...», при условии использования его в заговорах для лечения эпилепсии, принимает свойства окказионального и исполняется только в конкретных условиях и только один раз. Так, М.И. Гриневич, 1930 г.р. (г. Мозырь) рассказала, что «як захварэе первенец вельмі цяжка, нада апрануць свадзэбны нарад і як бы прысесці ў ім на дзіця, гаворачы: “Якім месцам парадзіла, такім і ісцаліла. Амінь”. Памагае толькі адзін раз» [2: 145]. Примечательно, что в данном тексте не дается конкретное название болезни (текст называется «Ад хваробы первенца»), но и вербальный, и акциональный компоненты этого магического комплекса полностью соотносятся с заговорами «От эпилепсии».

Необходимо отметить еще одну особенность белорусских лечебных заговоров с мотивом «Чем родила...» – наличие автомотива (мотива, в котором субъект является и объектом; субъект сам выполняет действие, направленное на себя самого; действие выражено возвратным глаголом). Особенно выразительно автомотив звучит при сравнении текстов. В вербальной части основной группы заговоров однозначно указано, что именно мать рождает ребенка («чым маці радзіла», «якая маці радзіла»), а в заговорах «Эпілепсія», записанных в Брестской области, основное действие выполняет сам

рождающийся ребенок («кудою родылася, тудою лэчылася» [1: 264], «кудою родыўса, тудою лэчыўся» [1: 265]).

Таким образом, проанализированный мотив «Какая мать родила...» в функциональных группах заговоров «Ад зглазу» и «От эпилепсии» придает вербальной части заговорно-магического комплекса определенную монолитность. Особенности наблюдаются в акциональном компоненте: в белорусских заговорах мать вытирает сорочкой лицо ребенка, в украинских – манипуляции происходят на пороге или под «сволоком» (центральной балкой крыши). В украинской коллекции заговоры с анализируемым мотивом расширяются и на функциональную группу «От испуга».

Несмотря на жанровую обусловленность стабильности текстов, тем не менее, в разных регионах наблюдаются отличия. По причине локально-региональной вариативности достаточно сложной представляется задача исследования заговоров даже одного региона. Тем не менее, появление вариантов свидетельствует о том, что, несмотря на архаичность, заговорный жанр живой, подвижный и откликается на конкретику жизненных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полесские заговоры (в записях 1970-1990 гг.) / сост., подготовка текстов и коммент. Т.А. Агапкиной [и др.]. – М. : Издательство “Индрик”, 2003. – 752 с.

2. Вяргеенка С.А. “На моры-акіяне, на востраве Буяне...” (лекавыя замовы Гомельшчыны): фальклорна-этнаграфічны зборнік / С.А. Вяргеенка; пад рэд. В.С. Новак; М-ва адукацыі РБ, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2009. – 220 с.

3. Топорков, А.Л. Порог / А.Л. Топорков // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / науч. ред. В.Я. Петрухин [и др.]. – М. : Эллис Лак, 1995. – С. 318-319.

4. Шапарова, Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: Ок. 1000 статей / Н.С. Шапарова. – М. : ООО “Издательство АСТ”: ООО “Издательство Астрель”: ООО “Русские словари”, 2003. – 624 с.